

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

ЗЛО И ДОБРО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО

(К 75-летию со дня смерти Достоевского)

В произведениях Достоевского орудуются крайние яркие изображения своих разнообразных видов зла и человеческого жизни. Наблюдая несправедливости и революционные движения в России, Тургенев, человек мягкого характера, изображал идеалистическую сторону этих явлений и осуждение их проводил в форме беззлобного юмора. Прямо противоположный характер имеет отношение к злу Достоевского: в «Бесах» он ярко изображает сатирическую сторону революционного движения убогих русской жизни. Если кто-либо мало знаком с этой стороной истории России во второй половине XIX века, тому стоит прочесть книгу Глинского «Резолюционный период русской истории» (от 1861 до 1905 года).

Не только социальное зло, также и зло в индивидуальном отношении людей изображено Достоевским в потрясающем стиле. Вспомните людей разных лет, горести, особенно крайнюю гордыню Сатановича, душевные раны Настасьи Филипповны, Искандра Панахова, Грушевын и в особенности из них выходящие их характера, убийство, произведенное Раскольниковым и муки его души, когда он, стараясь сдаться себе простителем, испытывает отчуждение от всех людей, даже от любимой матери и сестры; различные виды убожества: телесного, души, капитана Смердяева или Мармеладова, неспособного преодолеть свой алкоголизм. Многие люди, читая романы Достоевского с увлечением, тем не менее бывали так потрясены, что отказывали продолжение чтения не только на две, но и на три недели, переставая при этом изображать. Картинами зла и страданий стоит в произведениях Достоевского на границе эстетической восприимчивости человека во злобу тому, как трудно смотреть на картину России «Иван Грозный», смертельно расхищенными своего сына.

Победоносцев, близкий в дружеских отношениях с Достоевским, обеспокоился, прочитав в «Братях Карамазовых» главу «Бунт». В ней Иван Карамазов в беседе с братом своим Алешей перечисляет всевозможные ужасы и несовершенства человеческой жизни и, как бы утешая брата за то, что в мире есть возмущенные зло, напр., измученные дети, «почтительнейше возвращает» Богу «благодарности»: он же призывает мира, соединенного Богом. Победоносцев написал Достоевскому, пишущему в это время в Берлине в Эмсе, письмо, тревожно спрашивая: «Что можно отнять из всего этого эстетического положения?» Достоевский сообщил ему, что

в этой части романа «Русский вопрос», будет дано опровержение в художественной картине; при этом, однако, он указывает «будет ли повествование к этому «бунту» и что достаточно ответить».

Отражение Достоевского, что зло художественное изображение мира не будет только изображением, вполне обосновано. Ведь даже читая Библию, в которой образ Христа предстает перед нами с жизнью убедительностью, многие люди не отдают себе отчета в том, что в жизни трехное царство Божие не так плохо, чтобы оно могло «созвучать бытию» Господу Богу. Поэтому для защиты мира от тех, кто изображал, что Богу отдалено бы сделать более совершенный мир, нужно в художественном изображении мира прибавить еще философские изречения его, производимые в теологии. Название этой науки довольно дерзкое: в переводе на русский язык оно означает «сравнение Богов». В философской литературе есть много попыток выработать теологию. Однако, этот отдел философии особенно труден и потому многие теологи, даже и выработанные некими философами, не удовлетворительны, и мир, если учесть, что зло парадоксально и добром необходимым элементом мира вроде того, как в музыке диссонанс может увидеться красотою гармонии. Целенаправленно германский философ прилично возразил Бог: «не надо бояться своей красоты, ради которой можно производить возмущенные создания людей». Замечу здесь по пути, что много осуществлена попытка выработать теологию в книге «Бог и человек» (издана в Берлине в 1941 году. (Полные экземпляры ее побывали в Берлине от бомбардировки во время второй мировой войны).

Вспомните слова Победоносцева, что душа и мир не мир против обличений его несовершенство, показанных с такою силой Иваном Карамазовым, поставил вопрос: «не ли обеспокоило описание Победоносцева. Старая Библия Достоевский избралил с теми великими свойствами, какие являлись людям: он промышляет не только ум, но и чувства: в беседе с Дмитрием Карамазовым он обнаружил преобладание, когда поклонился «великому будущему страданию» его. Еще полнее и разнообразнее изображены достоинства Алеша Карамазова, этого, по словам Достоевского, «красного человеколюбия», имя которого стало нарицательным. Иван юношу, способное к деятельной любви, он говорил «кто — Алеша Карамазов». Однако, нельзя не признать, что люди, которых можно назвать воплощением добра, встречаются редко, и подвиги добра, проявляемые людьми в различных положениях, тоже принадлежат к числу исключительных явлений. Тем не менее можно решительно утверждать, что добра даже и в нашем грешном царстве Бития гораздо больше,

небеса. Однако, цедливо из ценной книги Валентина «Встреча с Ленкиным», издательством Черновским издательством, можно узнать, что карларский тон прокламации был выражением настроения Чернышевского: говорить о революционном перевороте, он именно указывал на такое оружие, как сапер. Две безымы в душе Чернышевского — один из примеров: того эта, которое и сейчас остается отмечен Димитрий Карамзин: сатириком широкого прихода человека, — он Б. ее сузил, теория не. В самом деле, Чернышевский способ был в индивидуальных случаях оппонентах восток себя, как святой, а в фанатической борьбе за свой общественный идеал проповедовать безжалостную жестокость.

В произведениях Достоевского есть особенно много изображений горести человеческой и тех извращений, даже болезненных состояний, которые она может внести в душу человека. Я не буду приводить примеров, потому что этот вопрос особенно подробно рассмотрен в моей книге «Достоевский и его христианско-марксовские», а также в книге «Утопия абсолютного добра» в главе «О природе сатанинской», которая вся построена на примерах из творений Достоевского. Укажу только на мысль писателя Николая Валериовича Осинова, жившего после революции в Китае и умершего там в 1933 году. Он написал статью «Большое и второе у Достоевского». В ней он доказывает, что описанные Достоевским искажения, происходящие в характере человека под влиянием тяжелых душевных риз (страдания, выживание, в духе теорий психоанализа), суть не душевные болезни, а психо-изрождение, и творчество Достоевского, по крайней мере источник их, тем самым утратил человека, как будто восстановил свое душевное здоровье.

В начале статьи я сообщил ошибочное описание Победоносцева, что «Бун» Ивана Карамзина Достоевскому не удалось опровергнуть, а в заключение стоило привести мудрую мысль Победоносцева, высказанную в беседе с Елизаветой Пилевко; в эмиграции в Париже она стала монахиней; это — мать Мария Соболева. Родители ее были в дружбе с Победоносцевым. Тринадцатилетней девочкой она видела однажды в кабинете Победоносцева и сказала ему, что хочет в своей жизни «служить человечеству». На это Победоносцев сказал ей: «Ах, Лизанька, Лизанька, легко и приятно любить дальних, а ты попробуй-се полюбить ближних». Действительно, в отношениях друзей друг к другу высшее проявление есть индивидуальная личная любовь человека к человеку, но именно она то с большим трудом достигается людьми, разве в семье, тогда любовь к себе, к миру, к небу, а к то не во всех семьях, Достоевский много и в разных своих произве-

дениях занимается вопросу об этой трудности любви к ближнему. Иван Карамзин говорит: «чтобы полюбил человека, надо, чтобы тот страдал, а чуть лишь докажет себя свое — протала любовь». Почему? Да по самым личным мотивам, напр. потому, что человек долго ест за обедом или, если он страдает, то удивительное страдание его мы готовы призвать, а страдание возвышенное в разных случаях мы допустим, потому что, напр., посмотрим на лицо человека и увидим, что лицо у него не такое, какое по моей фантазии должно быть у человека, страдающего за меня.

В последние годы жизни Достоевского известно как обращались к нему лично или письменно, спрос у него советов в трудных случаях духовной жизни. Он стал своего рода старцем, полюбил старцу Зою. И до сих пор он имеет такое же впечатление уже не только для русских, но и для всех народов, потому что это проявление дано людям для обозначения несдержанности множества целей идей. Об этом свидетельствует даже не все время и даже исследование о его творчестве.

Обозревая творчество всех народов европейской культуры, можно утверждать, что самый великий представитель художественной литературы — Шекспир, а следующий за ним — Достоевский.

Н. О. Лосский.

ПРЕЛ. ИОСИФ И ИОСИФИАНЕ

(Из истории русской церковной мысли)

Слово «иосифляне» обычно обозначает страстную полемику между сторонниками и несимпатизирующими по вопросу о монашеских аскетических владениях. Но уже двадцать лет тому назад о. Г. Флоровский заметил, что этот спор, начатый по настоянию Ивана III на соборе 1503 г. преп. Нилом Сорским, вовсе не был принципиальным или мировоззренческим обеих сторон. Переписка об иосифлянской проблеме давно ушла в историю. Основные установки обеих сторон не ясны, однако, важными и для нашего времени. Они часто определяют и наш подход к проблеме взаимоотношений церкви и мира.

«Иосифлянская» идеология начала складываться, как это часто случается, еще до того как сам преп. Иосиф Санхи (1439-1515), основатель и игумен Волоколамского или Волоколамского монастыря, стал главой большого церковного движения. Уже в дем-